

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА

Стилиян Стоянов

Юго-Западный университет имени Неофита Рыльского, Благоевград,
Болгария

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ МАСС КАК ПРОДУКТ КРИЗИСНОГО КОНТЕКСТА

Связь массовой литературы с кризисным контекстом большинство из нас непосредственно ощутило еще в начале 90-х. По мере нарастания социальной нестабильности и тотальной пустоты магазинных прилавков, книжные магазины, наоборот, стали заполняться классикой «масслита» – издавались детективы, эротические романы, мелодрамы и т.д. В софийских кинозалах, где до конца 80-х показывали преимущественно классику советского и мирового кино, теперь демонстрировали «классику» и не-классику эротического и порнографического кинематографа. Я хочу прокомментировать, однако, не это непосредственное прошлое, а ситуацию, которая мне представляется базисной, – осветить вопрос масс как проблему последовательно социологическую и культурологическую и, исходя из такого контекста, – показать рождение литературы для масс.

Не будем говорить о массовой литературе как о какой-то особо конституированной целостности, потому что массовая литература – это всего лишь часть литературы для масс и далеко не единственная. Забегая вперед, можно выдвинуть следующий тезис: немалая часть литературы социалистического реализма тоже являлась частью литературы для масс, и в плане поэтики, а также рецепции она не весьма отличается от массовой и популярной литературы.

Само понятие «масса» становится актуальным еще в начале XIX в. «Массы надвигаются!» – восклицает Гегель, но без особого энтузиазма. Феномен «героя и толпы» чуть позже рассматривается в одноименной работе Карлейля. В 1895 г. Гюстав ле Бон пишет «Психологию толпы». Это, по сути, первое исследование анатомии и психологии толпы. А в 30-х годах XX века появляются классические исследования толпы (массы) – работы Ясперса («Духовная ситуация времени») и Ортеги-и-Гассета («Восстание масс»). Все это свидетельствует о том, что масса фундаментально становится проблемой европейской культуры XX в. Рождение фактора масс рассматривается как классический признак кризиса европейской культуры и цивилизации. В указанных исследованиях рождение феномена масс связывается с демографическими, техническими и политическими факторами. И Ясперс, и Ортега-и-Гассет обращают внимание на то, что за текущий век население мира и Европы увеличилось в несколько раз. Они связывают это с развитием технологий и техническим прогрессом, а также с развитием либеральной демократии.

Следует добавить, что проблема массового человека, по сути, лежит и в основе марксизма. Правда, Маркс говорит не о массе как таковой, а о пролетариате, и у него в этом вопросе содержится разница аксиологическая – в сравнении с организованным пролетариатом у него масса есть нечто беспорядочное, темное и стихийное. Ортеги-и-Гасет, фактически оппонировав Марксу, не облагораживал пролетариат и подчеркивал, что рождение и нарастание пролетариата в Англии и Франции привело к серьезному росту городской преступности.

Итак, факт скопления людей на одном месте (фабрика, площадь, поле боя) со всей очевидностью ставит проблему массового человека (или человека массы); в основном, в аспекте его управления и воспитания. В свою очередь это приводит к активизации роли государства: кто-то или что-то должен навести порядок. И Ясперсу, и Ортега-и-Гасету нетрудно было обозначить этот момент даже в чисто практическом плане, поскольку их исследования рождались в то время, когда в Европе уже сложились тоталитарные режимы в Италии и в России.

Следующим встает вопрос о кризисном контексте. В данном случае мы его можем представить преимущественно на опыте Болгарии по завершении Первой мировой войны, а также на примере Советской России. В Болгарии уже в 1917 г. свирепствовал экономический кризис, поскольку, начиная с октября 1912 г., государство находилось в состоянии войны. По ее завершении, когда Болгария оказалась в лагере побежденных, к экономическому кризису добавился и кризис духовный, и если последствия экономического кризиса были притушены уже в середине 20-х годов, то духовный кризис продлился гораздо больше. Этот кризис был связан не только с войной и ее последствиями. Послевоенное время совпало со временем рождения массового человека в Болгарии, а также со временем интенсивной модернизации социума и с урбанизацией. Грубо говоря, Первая мировая война для болгарского социума стала границей между эпохой традиции и эпохой модерна. И если в эпоху традиции человек ищет и находит свои оплоты именно в традиции (род, семья, место обитания и т.д.), то в эпоху модерна они теряют свою актуальность и человек ощущает то одиночество, о котором говорит Ясперс, а позже – французские экзистенциалисты, называя его «одиночеством в толпе». Вопросы, которые в традиционном обществе бессмысленны, теперь становятся болезненно актуальными – «Кто я?», «Кто мы такие?», «Почему мы такие?». Поскольку кино и радио в те времена делали свои первые шаги, а телевидения и вовсе не было, на эти вопросы была призвана ответить литература.

Вопрос о кризисе и о модернизации вставал и в Советской России (или в той стране, которая потом стала именоваться как СССР). И потому не удивительно, что власть большевиков держит его под контролем и пытается весьма успешно направлять в нужное ей русло общий литературный процесс. Правда, Ленин уже говорит о первозначимости кино, но это, скорее всего, была лишь дань революционной

идеологической романтике, т.к. киноискусство по тем временам было делом дорогим, в отличие от литературы. На встрече с писателями, состоявшейся в квартире Горького в 1932 г., Иосиф Сталин высказался откровенно прагматично: надо создавать и ставить на сцене драмы, потому что у пролетариата нет времени для чтения. И поэтому нет ничего удивительного в том, что, начиная с конца 20-х гг., литература как будто избалована вниманием большевистской политической и культурной элиты.

В Болгарии литература тоже живет вниманием управляющей элиты, хотя элита эта не большевистская. Как ни странно, но и левые, и правые политические проекты, которые утверждаются как в Болгарии, так и в Советском Союзе, по отношению к литературе весьма схожи. Разница формальная – в Болгарии Парламент принимает законы, скажем, о литературе для детей и о книгоизданиях (1922); в том же году в СССР Политбюро принимает решения о развитии и направленности новой литературы. Не секрет, что I съезд советских писателей был полностью партийным делом. Власть пыталась при помощи литературы управлять «массовым человеком» и модернизировать общество и этого самого человека. Так создается литература для масс.

Вопрос в том, как эта литература соотносится с кризисным контекстом. В Болгарии кризис был непосредственно связан с войной, хотя, как уже говорилось, в некотором смысле война лишь ускорила процессы, которые и до нее происходили в болгарском социуме. Как в свое время отмечал известный болгарский литературный историк и критик Йордан Бадев (кстати, расстрелянный после так наз. «народной победы» в 1944 по обвинению в фашистской деятельности), Первая мировая война сильно «поцарапала» национальное самочувствие болгар. Литературе теперь вменяется в обязанность сделать так, чтобы травмы, причиненные войной, стерлись как можно скорее. После 1925 г. государство и управляющая элита прилагают целенаправленные усилия, в том числе и финансовые, чтобы появилась «нужная литература». По сути, именно государство финансирует литературу для масс. Не удивительно, что почти все известные болгарские писатели того периода пишут (точнее, производят) такую литературу. Однако о какой литературе идет речь? Естественно, не о литературе авангарда. Массы такую литературу не читают, или, точнее, власть считает, что она им не нужна. Разные ветви болгарского модернизма (экспрессионизм, футуризм, поэзия предмета) не пользуются государственной поддержкой. Зато всякие популярные «чтива», преимущественно основанные на исторической тематике, регулярно выходят на протяжении более чем 15 лет и также регулярно финансируются государством. Речь идет об изданиях «Художествена библиотека «Древна България», «Български исторически романи», «Педагогическа историческа библиотека», «Видни пълководци» и т.д. Публиковавшиеся ими произведения были предназначены для всех и строились в основном на сюжетах из истории древнего и славного болгарского государства. Как можно было узнать из рекламных

паратекстов, сопровождавших практически каждую из издаваемых книг, эти произведения предназначались для умного и простого, для солдата и офицера: «Художественная библиотека «Древна България» си остава и през тази година най-любимото четиво за детето и родителя, за войника и офицера, за учения и простия». Тираж этих изданий в масштабах тогдашней Болгарии был довольно большим: 5-10 тыс. экземпляров (для сравнения: в наше время тиражи большинства книг, в том числе и масслита, за редкими исключениями, не дотягивают до 10 тыс.). В те времена беллетристика, создававшаяся на исторической тематике, выходила с завидной регулярностью – 2 раза в месяц. Можно сказать, что с 1925 г. в Болгарии на этой теме начинается книжный сериал, который закончился лишь в 1942 г.

Связь между этим фактом и кризисным контекстом времени непосредственна, поскольку этот контекст предполагает в культурологическом плане то ли перспективные, то ли ретроспективные вии, что вполне естественно, поскольку в сложившейся ситуации настоящее воспринимается исключительно в отрицательном плане. Массовому человеку предлагается преодолеть трудности настоящего – то ли размышляя о прошлом, то ли грезя о будущем. В литературе, что видно на примере публицистики, по Ясперсу, «взламывается язык маскировки». Ясперс рассматривает этот процесс в рамках «современной софистики», акцентируя внимание на том, что литература для масс не может или не хочет предложить читателю какие-либо убедительные доводы, и потому в текстах для масс царствует патетика. Естественно, ни о каком психологизме, ни о какой внутренней логике литературного персонажа в данном случае не может быть и речи. Персонаж – марионетка и говорит то, что считается полезным для масс. Георгий Цанев называет это «текстом с прикрепленной, добавленной идеологией». Интересно было бы в дальнейшем проследить поэтику подобных текстов. В данном случае лишь отметим, что литературный текст со всей его сюжетикой становится не более, чем «винтиком и колесиком» в работе огромной государственной машины. Сказанное в первую очередь относится к опыту болгарской литературы межвоенной поры.

Советская литература, с ее базисной платформой в виде социалистического реализма, как продукт всемогущего государства имеет такие же характеристики и, по сути, тоже является продуктом кризисного контекста. В ее доктрине настоящее является лишь коротким, хотя и трудным периодом на пути к будущему. Эта литература тоже переполнена патетикой и в ней также отсутствуют психологизм и внутренняя логика персонажа. Имеются в виду «массовые авторы» соцреализма, такие как Гладков, Фадеев, Бедный, Исаковский, чьи произведения издавались массовыми тиражами и входили в корпус обязательной школьной литературы. Нужно отметить, что литература соцреализма в СССР все-таки опиралась на опыт русской классической литературы, что, вероятно, и объясняет ее достаточно высокое качество по сравнению с соответствующей болгарской литературой для масс. Рецептивная

направленность обеих литератур, однако, одинакова – используя язык маскировки, рассказывая о патетических героях и событиях, сделать так, чтобы люди выживали и самоотверженно работали в трудных условиях настоящего.

Как и их читатели, писатели, живя в кризисном контексте, тоже теряют, в большинстве случаев добровольно, свою независимость. Правда, всегда опасно строить глобальные обобщения, но, по-видимому, независимые писатели, как в Болгарии, так и в Советском Союзе, после 20-х годов XX в. существовали в виде исключения. И дело даже не в том, что кто-то литераторов «заставлял» (по крайней мере, в Болгарии очень редкими бывали случаи, когда бы писатель пострадал именно за то, что он написал то или иное). Причина, думается, в том, что идея массового человека заведомо предполагает идею его духовного руководителя и наставника, именно писатель и ощущает себя таким наставником. Безусловно, тут можно увидеть дань очень сильной просветительской и народнической традиции, которая сложилась в XIX в. в России, а чуть позже – в Болгарии. Но суть не только в этой традиции. Можно понять писателя и в психологическом плане – ему необходим читатель, а государство (или партия) может предложить писателю встречу с огромной читательской аудиторией. Такая мелочь – он теряет свою индивидуальную свободу, но обретает массовую читательскую публику. Да и к чему индивидуальная свобода, если у всех одна задача и одни идеи – выйти из кризиса и построить прекрасный новый мир. Возможно, поэтому большинство писателей было не против создания писательского Союза (что и произошло в 1932 г. сначала в СССР, а спустя 10 лет – в Болгарии). Сама идея этих союзов противоречит идее творческой независимости и индивидуализма, но она дает новое ощущение, что «нас, писателей, много». Звучит парадоксально, но, тем не менее, на лицо факт: вместе с читательской массой формируется и писательская масса; массовый писатель пишет литературу для массового читателя, а государство издает ее массовыми тиражами.

В чем следует видеть различие между массовой литературой и литературой для масс? Массовая литература является сугубо коммерческим проектом. Автор соотносится с требованиями своего потенциального читателя (так наз. «имплицитного читателя», по Изеру) и пишет то, что ему понравилось бы, чтобы наверняка продать свой писательский товар. В литературе для масс установка иная – писатель должен навязать читателю идеологию, которая считается нужной и полезной для социума и государства. В данном случае писатель, конечно, получает свой гонорар, но получает его именно от государства, независимо от того, продается ли его творение или нет.

По сути, литература для масс антимиμηтична, она не изображает реальную действительность, даже если берется современная тематика. Порой это несоответствие между литературой и действительностью принимает откровенно аморальные контуры. Два года тому назад мне попались две поэтические книги, изданные издательством «Укрнацменшин» соответственно в 1934 и 1936 гг. Их авторы Иван

Гедиков и Димитър Марков – етнически българи из Таврии. И поскольку время написания их поэзий совпадало со временем коллективизации, они повествовали о колхозе и колхозном труде. Аморально то, что, когда эти поэты писали свои стихи, где все как один мчатся вперед и живут в довольстве, в Таврии свирепствовал голод, и нашим горе-поэтам об этом было хорошо известно. Вот что я услышал от Евдокии Вербовой, крымской болгарки, вспоминавшей начало 30-х гг.: «Приходили, бедные, с чубами и в сапогах, не наши, такие худые... Страшно! Умирали прямо так, на улицах перед домами, а наши родители их хоронили так, по-человечески. Но мы не могли их накормить. Нам тоже нечего было есть, тоже голодали».

В аспекте нашей проблематики случаев вопиющего несоответствия между литературой и действительностью имеется множество. Литература для масс не говорит, к примеру, о конкретной человеческой смерти как о конце конкретного индивидуума. Если изображается смерть – то она патетична и нужна... потомкам, конечно. На фоне массового движения вперед смерть отдельной личности не имеет значения.

Итак, литература для масс рассказывает об исключительных героях в экстремальных обстоятельствах, о героях-примерах. В этом плане она, в лучшем случае, соответствует романтической традиции, а в худшем – выглядит вульгарно ложной. В конечном итоге можно задать вопрос: способна ли она все-таки помочь массовому человеку выйти из состояния модернизационного кризиса? По-видимому, нет. Однако доводы «за» и «против», без сомнения, – тема другого текста.

1. *Бадев Й.* Мисли върху българския роман. сп. “Златорог”, 1935 г., кн.1.
2. *Гедиков И.* Стихове. Държавно издателство на националните малцинства в УССР. – Харьков – Киев, 1936.
3. *Гюстав Л. Б.* Психология на тълпите. – С.: Витяз, 2004.
4. *Марков Д.* В ритъма на дните, Държавно издателство на националните малцинства в УССР. – Харьков – Киев, 1934.
5. *Ортега-и-Гассет.* Восстание масс. – М.: Ермак, 2005.
6. *Цанев Георги.* Историческият роман в българската литература. – С., 1976.
7. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени. <http://bookz.ru/authors/aspers-karl.html>

Summary

The article investigates the problem of mass literature and public reader. Principal difference between mass literature and literature for public readers is stressed. First is connected with commerce and second – with ideology of crisis age. Soviet and Bulgarian literature of the age of totalitarianism are the material of the investigation.

Стаття надійшла до редколегії 25.08.2005